

Анатолий ПИРОГОВ (1929–2019), книголюб, капитан-речник, симбирский интеллигент. Читатель, друг литературных музеев и библиотек. Участник научных конференций, посвященных творчеству К.Г. Паустовского. Участник многих блоковских праздников в Шахматово. Особое значение для А.А. Пирогова имело сотрудничество с музеем К.Г. Паустовского.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

О режиссере Ю.Ф. Рябове – авторе документального фильма о К.Г. Паустовском

Дом, ставший для меня родным. Музей К.Г. Паустовского. Благословляю тот день 27 мая 1981 года, когда судьба привела меня сюда. Музей предопределил очень многое в моей последующей жизни: друзей, привязанности, географию моих поездок. Я воспринял его как венец своих читательских устремлений и остался с ним навсегда. Зое Всеволодовне Квитко, Татьяне Германовне Богомоловой, Илье Ильичу Комарову, этой великолепной троице, которой мы обязаны появлением Дома Паустовского, было суждено стать и первыми из моих новых друзей.

Вскоре узнал и Вячеслава Зенцева, военного моряка, капитана. Он стал в музее своим гораздо раньше меня. Страстное увлечение К.Г. Паустовским помогло Славе и мечтать, и плавать в морях, и быть верным радетелем музея. Об этом звонит нам судовой колокол в морском зале – подарок незабвенного капитана.

Немыслимо представить становление музея без участия в нем одесситов Ю.И. Комаровских и В. Ковач. Они тоже из тех, кто, однажды здесь появившись, навсегда прикипели к Дому.

Вспоминается февраль 1988 года, научная конференция «К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество». Первая заявка музея о себе – теперь уже на новообращенном, «кузьминском» уровне.

Накануне, с полудня 4 февраля, дверной колокольчик звонил, не переставая съезжались гости. Илья Ильич Комаров, директор, как всегда радушен, только более взволнован:

– С праздником! Ты понимаешь, какое счастье! Сколько мы к нему шли – к народному литературному, сколько ждали. Поздравляю!

Поднимаемся вверх по лестнице – такой домашней. Скрипучей. Илья на ходу говорит что-то обо мне, хвалит меня, что я всегда загодя приезжаю,

Музей К.Г. Паустовского. Вечер поэзии военного поколения. 08.05.1990 г.

но сегодня ничего возить и таскать не будем. Все на месте, и есть надобность только в небольшой моей помощи.

Боже мой! О чем речь, Илюша. Мне по душе любое занятие во благо нашего Дома. Здесь мной овладевает ликование, и хожу я, не чувствую пола под ногами, словно летаю на вершок выше... В гостиной кто-то из приезжих. Знакомимся: Юрий Федорович Рябов, кинорежиссер – тот, кто снимал Паустовского. И круглая коробка на столе – в ней, верно, «Дорога к Черному озеру»! Но Юрий Федорович разводит руками:

– К сожалению, мне не удалось заполучить картину. Не успели оформить заявку, оплату – словом, пройти все формальности. Понимаю, как фильм был бы к месту сегодня здесь, в музее.

А в коробке Рябов привез монтажные обрезки двадцатилетней давности, сохра-

нившиеся в архиве Ленинградской студии кинохроники. Спасибо сотрудницам архива, понимающим чувства автора – они отдали ему эти кадры.

– Не стал отказываться. Думаю, музею они пригодятся, – убежденно говорит Юрий Федорович. – Только премемерно себя чувствовал, когда выносил коробку через проходную по-воровски, спрятав её за пояс под рубашку и пиджак... Какая все-таки нелепость!

Нам предстояло рассортировать кадры по месту съемки. Завернуть ролики в бумагу и пометить: Таруса, Солотча или Ялта. Наш разговор, естественно, завязался вокруг этого географического треугольника, когда режиссерская судьба свела Ю.Ф. Рябова с К.Г. Паустовским.

Рассказ моего собеседника, как я его излагаю, не дословен и сложился не только из первого разговора. К нему он возвращался и дополнял, выступая перед нами, а также в частных беседах со мной.

«Доверчивый режиссер и недоверчивый автор»

Из рассказов Ю.Ф. Рябова

В 1962 году поехал в Тарусу, как говорят военные, на рекогносцировку. Мысль о картине по Паустовскому возникла давно, ещё в те годы, когда я собирался поступить в Институт кинематографии. Писал, помню, сценарий по «Телеграмме». Когда же стал режиссером документального кино, замыслил снять самого писателя.

В Тарусе, как тогда полагалось, зашел в райком партии. Узнав о моих намерениях, мне сказали, что не советуют снимать Паустовского. Я понял, что поторопился: прошло слишком мало времени – только полгода, как разнесли «Тарусские страницы».

Через год приехал снова, на этот раз с киногруппой и аппаратурой опять ходили по отцам города. Надо сказать, они были менее категоричны. Говорили только: «Паустовский к нам не ходит, ну и мы к нему тоже не ходим». Начали съемку. Этот первоначальный материал мы хотели показать своему начальству, когда будем пробивать задуманную тему о писателях «Такую серию хотели начать с Паустовского. Но в верхах решили: первым снимать Шолохова. Была создана другая киногруппа, которая сняла фильм. А наша «Дорога к Черному озеру» была отложена, и получилось так, что на ее продвижение ушло три года.

В драме Ибсена «Пер Гюнт» действует сила. Страшная сила. Понимаете? «Великий кривой»! Такая сила преследовала Константина Георгиевича всю жизнь... Даже на похоронах говорили не по велеанию сердца, а по бумажке, как хотел «Великий кривой»...

Наконец, снимать начали и мы. Вы спрашиваете о постановочных трудностях. Да, конечно, они были. И для меня, и для «киногероя».

Константина Георгиевича смущала, даже больше – буквально сковывала работающая кинокамера. Он говорил, что ничего со съемкой не получится, потому что он плохой лицедей. Мне приходилось терпеливо и настойчиво убеждать: «Вам необходимо утвердиться на мысли, какой вы отменный рассказчик, и – все пойдет, как надо. Верю в Вас, доверяю Вам».

Надо ли говорить, что я испытывал, выдерживая роль режиссера, наставляющего самого Паустовского. Писателя и человека, перед которым был готов стать на колени.

Съемки закончились в середине июля 1966 года. Проходя цензуру, фильм понес досадные

Режиссер Юрий Рябов в творческой заявке на постановку фильма «Дорога к Черному озеру» писал:

«Паустовский занимает особое место в нашей литературе. Вряд ли можно определить это место здесь, – пусть этим занимаются литературоведы. Но для десятков миллионов читателей Паустовский – самый любимый советский писатель. Конечно, рассказать о Паустовском «всё» в двухчастевом фильме очень трудно. А ведь зрителя интересует именно «всё»: и основные этапы творческой биографии писателя, и современники Паустовского, с которыми он встречался, дружил, работал, – такие, как Гайдар, Багрицкий, Пришвин. И, разумеется, фильм о Паустовском нужно по своему творческому решению делать в том же ключе, каким пользуется сам писатель... В фильме, во-первых, будет рассказано о благородной романтике, помогающей людям жить...»

Пафос любви к природе и преобразования её, пафос чистых человеческих отношений, пафос любви к родине и будет пафосом фильма. В центре фильма будет сам Константин Георгиевич как человек, писатель, общественный деятель».

потери: были изъяты разговоры писателя о языке. Урезили также кадры, снятые в день рождения Константина Георгиевича, когда он беседовал с В.П. Некрасовым, автором повести «В окопах Сталинграда».

Фильм все же прошел на экран. Но потом его отложили с пометкой: «Выдавать только по заявкам организаций». Как сохранились сегодня, спустя двадцать лет, экземпляры фильма по кинопрокатам – не знаю.

В 1991 году в питерской квартире Юрия Федоровича и Наталии Николаевны Рябовых я рассматривал многочисленные фотографии 1966 года. Среди них особенно запомнились надписанные самим Паустовским. Они показались мне удивительно ёмкими. На снимке двое: К.Г. Паустовский и Ю.Ф. Рябов.

Ю.Ф. Рябов и К.Г. Паустовский

«Если бы не Вы, черта с два я снимался бы в кино.

Любящий Вас – К. Паустовский. 16/VI. 66 г. от Тарусы (Ильинский омут) до Ялты и Гурзуфа».

Вторая, те же:

«Фото на тему: «Доверчивый режиссер и недоверчивый автор – пуганный воробей. Юрию Федоровичу – с любовью Паустовский».

20/VI. 66 г.

Стоило мне прочесть это, как тотчас вспомнилось письмо, встреченное в каком-то толстом журнале. В письме шел разговор о Ялте и что-то о Паустовских. Другие подробности не запомнились.

Вернувшись из Питера домой, нашел-таки в

воспоминаниях В. Каверина письмо Т.А. Паустовской из Ялты. Оно помечено 22/VI. 66 г., т. е. теми же днями, что и фотографии. Упомянув о чем-то забавном, Татьяна Алексеевна продолжает:

«Но главная новость не эта. Ах, не ругайте нас, не ругайте бедного Пауста за то, что его приехали снимать «братцы – ленинградцы». Один из них (братьев) Юрий украл жемчужину дома. Пока это тайна, не выдавайте меня. Но скоро ЗАГС – и в Ленинград. Кого бы, Вы думали, увозит тихий Юрий Федорович Рябов? Нашу нежно любимую Наталию Николаевну, которая через несколько дней делается Рябовой. Они просили до их отъезда молчать, но, во-первых, я пишу, а во-вторых, знаю кому. Приедем – обязательно увидимся. Целую вас со всем необъятным семейством, Паустовский тоже.

Ваша Татьяна Паустовская».

Одесские сюжеты

В Одессе, на конференции по случаю 20-летия библиотеки им. Паустовского, как на прошлогоднем московском сборе, мы снова вместе: Ю. Рябов, О. Козлов (Петербург), В. Зенцев (Севастополь), А. Пирогов (Ульяновск). Мне казалось, что кроме сходного мироощущения, которое так или иначе привело к Паустовскому, нас объединяло и мирское – наши профессии: кинорежиссер, офицер и два капитана (морьяк и речник). В них есть общее – дороги или, как говорил Константин Георгиевич, странствия, к которым мы привычны, и потому легки на подъем. К тому же, живя вдалеке от Дома Паустовского, мы больше, чем другие, скучали по Дому и тому, что в нем происходит.

Одесса, февраль 1989. Конференция в честь 20-летия библиотеки им. Паустовского. Тема выступления «Муза дальних странствий»

В программе одесского праздника, помню, кинофильм не значился. Он был объявлен дополнительно. Так мы увидели «Дорогу к Черному озеру». Это был сюрприз для всех. Особенно взволнован был Ю.Ф. Рябов. После просмотра фильма он сказал:

– Вы молодцы, одесситы. Вы достойны любви Паустовского. В эти дни вы показали три сюжета с одной сквозной темой любимого нами Паустовского.

Первый – тот, что построен Юлией Ильиничной Комаровских. Это библиотека. Та, которая ещё в 1969 году первой в стране получила имя Паустовского. Заметьте – спустя всего семь месяцев после смерти писателя. И библиотекой, и сегодняшним праздником мы в самой большой степени обязаны Ю.И. Комаровских.

Сюжет второй: экскурсионный маршрут «Паустовский в Одессе». Мы познакомились с ним и поняли, что это – Песнь о любви. К писателю и городу. Вот уже десять лет звучит эта песнь во вдохновенном исполнении автора – несравненной Вали Ковач!

Вам удался и третий сюжет. Надо было больше, чем постараться, чтобы найти ходы, выцарапать из забвения и показать столь давнюю картину. Вы поймете мое волнение вряд ли кто из присутствующих в зале видел этот фильм. Кроме автора, вашего покорного слуги. Спасибо! – закончил Юрий Федорович, приложив руку к сердцу и застыв в поклоне.

Может, вспомним опять, ах, зачем вспоминать

Писатель-фронтовик Василий Субботин, размышляя о наших людских потерях в Великой Отечественной войне, приводит такую статистику: из солдат 1921 года рождения уцелело только 3%. Одним из этих счастливых был Юрий Рябов, призванный в армию в 1939 году. Захватив финскую войну, он хлебнул досыта в Отечественную и через шесть лет вернулся в родной Ленинград. Но ненадолго. Уцелевшего счастливого упекли в лагерь – на этот раз в свой, советский. Освободился только после смерти «отца народов». Вся молодость ушла на войну и тюрьму. Нам не дано понять всю глубину унижения, выпавшего на долю Юрия Федоровича, не известно и то, думал ли зек Рябов о том, какая судьба предпочтительней – погибнуть в бою или жить (жить ли?) в ГУЛАГе, но все же знаем: став режиссером, он решил создать фильм в память о солдатах Великой Отечественной войны. О тех, кто в составе обреченной 2-й ударной армии погибал, пропал, выходя из окружения в мае – июне 1942 года. К съемке документального фильма под условным названием «Долина Смерти» приступили летом 1971 года – за год до 30-летия трагических событий на Волховском фронте.

Из рассказа Ю.Ф. Рябова:

Содержание будущей картины выражалось в изречении: «Война не закончена, пока не погребен последний погибший солдат». Истина, призывающая человека к самоуважению. Но проходили не годы – десятилетия, а по лесам и болотам, подступающим к Волхову, зарастали, дотлевали незахороненные останки бойцов 2-й ударной, так и не удостоенные последним поклоном государства.

Их искали только поисковики – добровольцы. Это были молодые люди послевоенного поколения, принявшие трагедию войны, ее историю всем своим существом. Они каждое лето искали. Находили кого-то, открывали имена, хоронили.

Все это вошло в сценарий, который по моей просьбе написал Сергей Смирнов, писатель, много сделавший для памяти погибших. Поехали снимать в самые гибельные для 2-й ударной места: в окрестности Мясного Бора и в Долину смерти. Под этим названием вошел в историю Волховского фронта коридор, по которому, пробиваясь из окружения в конце июня 1942 года, выходили уцелевшие остатки армии.

Однажды в отряде, где мы вели съемки, ребята нашли красноармейскую книжку и вложенное в нее письмо – треугольник с надписанным адресом. Они чудом сохранились в слипшейся и окаменевшей левой сумке. В этой находке я увидел удивительную возможность продолжить сюжет, который должен войти в фильм. Списался с райвоенкоматом в Алтайском крае, откуда солдат призывался. Оказалось, что там живет его дочь, работает на фабрике. Решили не отправлять письмо почтой, а везти на Алтай самим – едем всей группой. Прибыв на место, согласую с парткомом и профкомом фабрики: будем снимать работницу такую-то, чей портрет помещен на Доску почета. Знакомимся с ней, обговариваем детали: завтра к 12 часам ставим аппаратуру на квартире и начинаем съемку. Осторожно расспрашиваю о прошлом. Отец пропал без вести в 1942 году, матери уже нет в живых.

Потом зашел в отделение связи и обо всем поведал начальнице. Отдал письмо, запечатанное нами в конверт на имя той бедной женщины. С тем, чтобы письмоноша принесла его адресату завтра, ровно в 12 часов.

Все прошло, как было намечено. Мы сняли горестные минуты, о которых знали заранее. Этот грех, сознаю, лежит на моей душе. Никогда не забуду ни того солдата, ни его убитую горем дочь. Не дело автора оценивать свое творение. Скажу только о том, чему был свидетелем. На студии, во время монтажа картины монтажницы плакали над многими кадрами, особенно «алтайскими». Готовую картину смотрели в Политуправлении военного округа. И... запретили. По всему. Решение это было подкреплено указанием сверху. Был на приеме у высокого политического начальства, но безрезультатно.

Вы спрашиваете, не сохранился ли фильм в киноархиве. Нет. Его сожгли. Не отложили на полку, а сожгли. Оцениваю их действия только одним словом: сволочи!

Юрий Рябов дважды побывал в нашем городе.

Встреча с Ю.Ф. Рябовым весной 1993 года в Ульяновске оказалась последней. Не приезжал он с тех пор и в музей Паустовского, где мы обычно встречались. Долгая и тяжелая болезнь Наталии Николаевны не позволяла ему оставлять ее. В предновогоднем (в декабре 1998 года) письме Юрий Федорович сообщил о смерти жены. Спустя полгода после этой потери, ушел из жизни и сам Ю.Ф. Рябов. Случилось это 9 февраля 1999 года.